

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
mf-r@yandex.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ

Прослежена трансформация источниковедения – от составляющей методологии истории во второй половине XIX – начале XX века в дисциплину/субдисциплину исторической науки в 1950–1970-е годы и далее, на рубеже XX–XXI веков, в научное направление – в корреляции со сменой моделей исторической науки. Выявлена специфика феноменологической концепции источниковедения, имеющей эпистемологические основания в русской версии неокантианства и развивающейся с 1930-х годов Научно-педагогической школой источниковедения как принадлежащей неоклассической модели науки. Эксплицирована связь этапов трансформации дисциплинарного статуса источниковедения с изменениями представлений о его объекте: от исторического источника как объективированного произведения человека к системе видов исторических источников как проекции культуры и к универсальному онтологическому понятию «эмпирическая реальность исторического мира».

Ключевые слова: источниковедение, исторический источник, система видов исторических источников, эмпирическая реальность исторического мира, неоклассическая модель науки, субдисциплина, научное направление, предметное поле исторической науки

С началом XXI века тренд междисциплинарности/полидисциплинарности/мультидисциплинарности ощутимо трансформируется в стремление более четко определить дисциплинарный статус исторической науки и отдельных ее составляющих, включая источниковедение. Не будем пытаться разобраться в причинах «смены вех», тем более что такая трансформация вполне органична и может быть описана афоризмом непопулярного ныне классика: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»¹.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Схема интерпретации. При исследовании дисциплинарного статуса источниковедения в качестве схемы интерпретации примем хорошо разработанную в отношении естественных наук, но редко применяемую к науке исторической схему *смены типов рациональности/моделей науки*: классическая – неклассическая – постнеклассическая, но основное внимание – неоклассической модели науки как наиболее перспективной для достижения строгого научного знания. Именно в рамках неоклассической модели происходит определение дисциплинарного статуса источниковедения: в 1950–1970-х годах оно обретает статус дисциплины/субдисциплины исторической науки, а на рубеже XX–XXI веков трансформируется в научное направление. Сложность применения этой схемы интерпретации обусловлена как минимум двумя факторами: во-первых, она разработана преимущественно на материале

физики и естественных наук [12: 212–213], [17: 619–636], интересная попытка применения этой схемы к истории исторической науки предпринята А. В. Лубским [9], но не со всем в его построениях я могу согласиться. Во-вторых, неоклассическая модель науки, которая нас и будет в первую очередь интересовать в связи с анализом современного состояния источниковедения, вообще разработана слабо, и именно с ее интерпретацией А. В. Лубским я и не могу согласиться. Но все же такая схема позволяет, на мой взгляд, наиболее эффективным образом вписать развитие источниковедения в общенаучный контекст.

В качестве дополняющей схемы интерпретации используем модель *смены словарей исторической науки* Ф. Анкерсмита [1: 213–258], что позволит наметить пути соотнесения, а затем, возможно, и интеграции/синтеза источниковедения как феномена российской/советской исторической науки с подходами европейской/западной историографии. Особенно эффективно такое соотнесение для периода постмодерна/постпостмодерна – постнеклассической науки. Здесь необходимо одно пояснение: дотошный читатель, обратившись к работе Анкерсмита, не может не заметить некоторый рассинхрон: он «датирует» эксплицируемые им «словари» явно более поздним временем, чем то, к которому они применяются в данной работе. Но этот рассинхрон иллюзорный: Анкерсмит пишет не о практике исторической науки, а о ее теоретической рефлексии, которая всегда *a posteriori* может отстоять от рефлексируемого феномена на существенный промежуток времени.

Терминология. Приступая к исследованию дисциплинарного статуса источниковедения и его трансформаций, необходимо определить, хотя бы в виде рабочей гипотезы, основные понятия, позволяющие зафиксировать место источниковедения в структуре исторической науки и его дисциплинарный статус: *дисциплина/субдисциплина исторической науки, научное направление и предметное поле*. Это тем более важно, что в научной исторической литературе нет до сих пор единобразия в употреблении этих понятий, а зачастую они вообще не несут терминологической нагруженности и используются весьма произвольно. В соответствии с принятой нами схемой интерпретации попытаемся сразу же соотнести определяемые понятия с моделями науки. В качестве основы воспользуемся понятиями, зафиксированными в терминологическом словаре, изданном Институтом всеобщей истории РАН в 2014 году (2-е изд. в 2016) [18].

Дисциплина² исторической науки – историографически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая собственный объект исследования. Дисциплины/субдисциплины оформляются, главным образом, в рамках классической модели исторической науки, в которой в качестве единого объекта исторического познания выступает инвариантная реальность прошлого человечества, в качестве источниковой основы – письменные исторические источники, в качестве результата – линейная модель исторического процесса, в качестве основной формы презентации – исторический нарратив [18: 93–94].

Научное направление – область научного исторического знания, предполагающая особый *ракурс* рассмотрения исторической реальности. Существующие научные направления сложились по преимуществу в рамках неклассической модели науки в связи с осмыслением активной роли историка в выборе ракурса исследования, а также с расширением предметного пространства исторического знания, модификацией исследовательских проблем, диверсификацией исследовательских стратегий [18: 311–312].

Предметное поле исторической науки – составляющая структуры современного научного исторического знания; предметные поля формируются в исторической науке при переходе от неклассической к постнеклассической модели; в предметном поле происходит целенаправленное конструирование исторического объекта, который, будучи сконструированным, выступает в качестве самостоятельного предмета исследования; преодолевается классическая дисциплинарная модель, поскольку имманентно предполагается полидисциплинарность, то есть конструирование предмета средствами разных научных дисциплин, и междисциплинарность, то есть использование исследовательских практик различных гуманитарных и социальных наук [18: 390–391].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ГИПОТЕЗА – ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Преследуя цель определить дисциплинарный статус источниковедения в структуре научного исторического знания, выделим этапы трансформации дисциплинарного статуса источниковедения: структурная составляющая методологии истории – самостоятельная дисциплина/субдисциплина исторической науки – научное направление – и, потенциально, – предметное поле исторической науки; проследим корреляцию этих трансформаций с развитием методологической рефлексии об объекте источниковедения: исторический источник как материал для историка – исторический источник как произведение человека, объективирующее «чужую одушевленность», – система видов исторических источников как проекция культуры – эмпирическая реальность исторического мира. Рассмотрим эти трансформации одновременно как этапы становления неоклассической феноменологической концепции источниковедения, восходящей в своих эпистемологических основаниях к русской версии неокантианства и развивающей в течение XX – начала XXI века Научно-педагогической школой источниковедения (в настоящее время – Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru³).

Излишне напоминать, что трансформации дисциплинарного статуса источниковедения не отменяют, но снимают предшествующие его функции в исторической науке, то есть не упраздняют, а, модифицируя, встраивают их в более сложную систему.

КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Системное учение об исторических источниках формируется как *составляющая исторического метода* в рамках классической модели науки, предполагающей получение в результате изучения (так называемой критики) исторического источника исторического факта, который используется далее в практиках историописания и расценивается как инвариантный по отношению к ним. Классическую модель подробно рассматривать не будем в силу ее известности, лишь акцентируем внимание на некоторых формулировках, – необходимых нам для дальнейших сопоставлений, – абсолютных классиков этой модели, которых к тому же часто позиционируют и как классиков/основоположников источниковедения, тогда как они рассматривали работу с «историческим материалом» в качестве органичной составляющей исторического метода, но не сосредотачивали внимания на природе/имманентных характеристиках самого исторического источника.

Основоположником системной методологической рефлексии в этой области, вероятно, можно

признать И. Г. Дройзена (1808–1884). Он рассматривал историю как науку эмпирическую, из чего следует, что «...материал для ее исследования должен иметься налицо и в таком виде, чтобы им можно было воспользоваться эмпирическим путем. <...> Все материалы такого рода принято называть *источниками*» [4: 84]. И. Г. Дройзен предлагает закрепить название «источники» за всем тем, что «...позволяет нам взглянуть глазами ушедших поколений на их прошлое, т. е. мемуары и письменные свидетельства, отражающие их представление о нем...», назвав две другие группы исторических материалов «остатками» и «памятниками». Важно подчеркнуть, что И. Г. Дройзен вполне осознает, что «источники» тоже являются «остатками», но не проблематизирует эту исследовательскую ситуацию: «Тот факт, что источники являются одновременно *остатками* того настоящего, в котором они возникли, для нас пока второстепенен...» [4: 84].

Э. Бернгейм (1850–1942) в пропедевтическом курсе пишет: «Материал, из которого почерпаются сведения нашей науки, называется “и *сточниками*”. Материал этот в огромном большинстве случаев не является <...> в то же время и непосредственным предметом познания, так как предметом истории являются ведь человеческие действия...» [2: 34]. Нельзя не согласиться в том, что исторические источники нужны историку для проникновения в «затекстовую» реальность, но здесь нам важно подчеркнуть, что сами исторические источники Э. Бернгейм не признает «непосредственным предметом познания».

Аналогичные размышления мы обнаруживаем у Ш.-В. Ланглау (1863–1929) и Ш. Сеньобоса (1854–1942), которые определяют исторические источники как «...следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей» [7: 49] и обозначают их место в методологии истории как «точку отправления», рассматривая исторический факт как «конечную цель исследования» [7: 83]. Хотя формально французские исследователи дают «определение» исторического источника, но понятие «след» слабо проясняет его природу, это, очевидно, метафора, но не дефиниция.

Итак, вплоть до рубежа XIX–XX веков исследование исторических источников рассматривалось как одна из важнейших процедур в системе методологии истории, при этом исторический источник вызывал интерес не сам по себе как социокультурный феномен, но с точки зрения его пригодности для исторического исследования и, конкретнее, для установления достоверных исторических фактов.

Заметим: несмотря на то что классическая модель науки уже с конца XIX века не отвечала эпистемологическим потребностям, она оказалась весьма устойчивой, в первую очередь, естественно, в массовом сознании, но не изжили ее в своих подходах и некоторые (многие?) исто-

рики. В источниковедении маркером классической модели является «утилитарный» подход к историческому источнику при игнорировании его имманентных свойств. Яркий пример такого подхода на протяжении последней трети XIX – начала XXI века демонстрировал С. О. Шмидт (1922–2013). Свой взгляд на проблему природы исторического источника он сформулировал в 1969 году в статье, опубликованной в знаменитом сборнике «Источниковедение: теоретические и методические проблемы»: «Имеется несколько точек зрения на этот счет (определение исторического источника. – *M. P.*), сводящихся по существу к двум: исторический источник – продукт человеческой деятельности и отражает эту деятельность; отражает реальные явления общественной жизни⁴; исторический источник – это *все то, откуда черпают сведения о прошлом* (выделено мною. – *M. P.*), т. е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии. Такое более широкое понимание “исторического источника” охватывает не только результаты человеческой деятельности – “памятники прошлого”, т. е. памятники материальной и духовной культуры, но и то, что способствует определению и объяснению человеческой деятельности...» [20: 29]. В дальнейшем С. О. Шмидт лишь уточнял формулировку, упрощая ее и акцентируя внимание на прагматическом (и, можно сказать, утилитарном) аспекте. Для сравнения приведем формулировку 1985 года: «Применительно к задачам прикладного источниковедения⁵ можно ограничиться простой определенностью <...> и признать историческим источников всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать (*sic!* – *M. P.*) историческую информацию (т. е. информацию исторического характера, полезную для работы историка)» [19: 7–8].

Еще раз подчеркну: такой подход к историческому источнику – маркер *классической модели науки* потому, что классическая наука нацелена на воссоздание «объективной реальности», для истории – «объективной реальности прошлого», выстраиваемой из неизменных кирпичиков – «достоверных фактов», исторический источник – только средство для «получения/добывания» исторического факта путем так называемой критики (кстати, «добыть исторический факт из исторического источника» и «критика исторического источника» – тоже маркеры, дискурсивные, классической модели науки).

Если воспользоваться интерпретационной схемой Ф. Анкерсmita, то классической модели науки соответствует *словарь описания и объяснения*: «Прошлое понималось как множество феноменов, лежащих перед историком, ожидая, чтобы его описали и объяснили. Предпочтение

этого словаря автоматически породило немало вопросов, главным образом эпистемологических, касающихся истинности дескриптивных и объяснительных утверждений, сделанных историком о прошлом» [1: 216–217]. Роль классической модели источниковедения в решении данной задачи вполне очевидна.

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ VS НЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ДИСЦИПЛИНА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Как известно, неклассическая модель науки утверждается на рубеже XIX–XX веков, в первую очередь в связи с развитием физики микромира. В исторической науке формирование неклассической модели, в которой акцентируется роль познающего субъекта, связано с развитием истории истории/рефлексией об историописании. П. Нора обратил внимание на то, что новое качество историописания обусловлено тем, что история «вступила в свой историографический возраст» [14: 23].

Сложнее нащупать истоки неоклассической модели науки, и исторической в том числе. И здесь необходимо вернуться к отмеченному выше моему разногласию с позицией А. В. Лубского, который пишет: «...в конце XX века стала формироваться неоклассическая модель исторического исследования, которая стала достоянием культуры “неоглобализма”» [9: 256, 258]. Согласна с А. В. Лубским в том, что кризис постmodерна проявляется, в числе прочего, в актуализации неоклассических подходов, но, на мой взгляд, сам неоклассический подход возникает фактически параллельно с неклассическим, по-видимому, из неизбывной потребности получить строгое научное знание. Реперная точка неоклассической модели – публикация в 1911 году в международном журнале «Логос» программной статьи Э. Гуссерля (1859–1938) «Философия как строгая наука»⁶.

В историческом познании исходный момент расхождения неклассической и неоклассической моделей науки определился, по моему мнению, еще раньше – в различии подходов к историческому познанию – и, особенно, к его объекту – Баденской школы и русской версии неокантианства.

Если мы в качестве отправной точки дальнейших рассуждений примем предложенное выше определение дисциплины/субдисциплины исторической науки, то логично будет связать начало оформления источниковедения в качестве дисциплины исторической науки в первую очередь с рефлексией исторического источника как *объекта*, обладающего собственными имманентными свойствами.

Проблема исторического источника как специфического объекта исторического познания была поставлена на рубеже XIX–XX веков в русской версии неокантианства: А. И. Введенский (1856–1925) разработал ее в общефилософском плане⁷,

А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) – в связи с методологией исторического познания [8]. Лаппо-Данилевский, как и его предшественники/современники, также инкорпорирует теорию источниковедения в методологию истории, наряду с теорией исторического построения, и признает: «В научно-эмпирическом смысле <...> естественно <...> называть источником всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте» [8: Т. 2: 29]. Но при этом он уделяет существенное внимание природе исторического источника – на основе принципа «признания чужой одушевленности», ранее разработанного А. И. Введенским. Хорошо известно определение исторического источника, данное Лаппо-Данилевским: «...реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [8: Т. 2: 38], – но оно явно восходит к размышлениям А. И. Введенского о возможностях и способах воспроизведения «чужой одушевленности»: «...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ея внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям, следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни (выделено мною. – М. Р.), и какие проходят без ее участия»⁸.

Прочно связывая исторический источник с индивидуальностью человека/творца, Лаппо-Данилевский, казалось бы, движется в сторону неклассической науки, предполагая диалогичность историка – автора исторического источника на основе принципа «признания чужой одушевленности». С учетом требований неклассической науки модифицируется и методология изучения исторического источника. В частности, место «критики» исторических источников с целью получения так называемых «достоверных фактов», верифицируемых через «соответствие объективной реальности» и понимаемых как инвариантный элемент исторического построения, занимает источниковедческий анализ, основообразующее значение в котором имеет процедура интерпретации, суть которой, согласно определению Лаппо-Данилевского, «состоит в общезначимом научном понимании исторического источника» [8: Т. 2: 65]. Принцип «признания чужой одушевленности», на мой взгляд, это балансирование на грани неклассического и неоклассического подходов. Но для А. С. Лаппо-Данилевского главное – найти способ эlimинировать индивидуальность исследователя при интерпретации исторического источника.

Теория источниковедения Лаппо-Данилевского может расцениваться как точка расхождения/

начало движения от *неклассической к неоклассической* модели исторической науки и одновременно трансформации дисциплинарного статуса источниковедения от *составляющей методологии истории к самостоятельной дисциплине/субдисциплине исторической науки*.

Рефлексия по поводу эмпирического объекта, воспринимаемого (по крайней мере, Лаппо-Данилевским) феноменологически⁹, – шаг на пути к *неоклассической модели исторической науки*, имеющей целью достичь не субъективное видение историка, а строгое научное знание. На своего рода «феноменологическую редукцию» индивидуальности историка в процессе исторического познания во многом нацелены и процедуры интерпретации, которые А. С. Лаппо-Данилевский разрабатывает весьма тщательно и в обусловленности природой исторического источника [8: Т. 2: 64–155]. Особо стоит подчеркнуть, что процедура «типовизирующей интерпретации», по А. С. Лаппо-Данилевскому, предусматривает учет «давления» культуры на индивидуума – автора исторического источника, причем и по горизонтали («состяние культуры»), и по вертикали («стадия культуры»). Тем самым А. С. Лаппо-Данилевский фактически сделал шаг от понимания исторического источника как произведения индивидуума-творца к пониманию его одновременно и как продукта культуры, что получит свое закрепление в разработке системы видов исторических источников как проекции культуры в процессе дальнейшей рефлексии об объекте источниковедения.

Итак, интенция неоклассической модели – в рефлексии по поводу объекта, что создает прочную эмпирическую основу исторического знания, сближая степень научности знания гуманитарного/исторического и естественно-научного.

В это же время европейская/западная историческая наука надолго утрачивает интерес к объекту исторического познания. Г. Риккерт (1863–1936) – ведущий представитель Баденской школы неокантианства – последовательно отказывается от рефлексии о специфическом объекте исторического познания и сосредотачивается исключительно на логике историописания [15]. И только на рубеже 1980–1990-х годов французский историк Жорж Дюби (1919–1996), обозревая развитие исторической науки во Франции во второй половине XX века, отметил в качестве новой тенденции нарастание интереса историков к «материалу» истории: «*Вопреки установленвшемуся представлению* у меня сложилось впечатление, что в современной французской историографии наиболее плодотворное и новаторское начало состоит не в обновлении проблематики, не в борьбе идей по вопросу о смысле истории и не в состязании различных исторических школ (как это было 30 лет назад). *Новаторские тенденции связаны*

с самой скрытой частью нашей исследовательской работы, с нашей лабораторией, с методами обработки используемых материалов (выделено мною. – М. Р.)» [5: 58]. Примечательно, что Ж. Дюби оперирует понятием «материал». Аналогичным образом поступает польский историк-методолог Ежи Топольский (1928–1998), вводя вместо понятия «исторический источник» понятие «базовая информация», которая обеспечивает контакт историка с прошлой реальностью (см.: [3: 230–239]).

Любопытны размышления на этот счет современного польского историка и методолога Войцеха Вжосека: «Источниковедческая рефлексия обычно декретирует, чем является источник, предопределяя, в силу очевидности, его познавательный смысл, или же замалчивает эту тему, представляет какую-нибудь дефиницию исторического источника и переходит к рассуждениям о том, как обращаться с его конкретными видами. Проблематика критики источника, которая доминирует в источниковедческом подходе, вскрывает *per fas et nefas*¹⁰ роль, которую признает за ним в историческом познании или в историческом исследовании. Этому привычному замалчиванию познавательных вопросов в источниковедческой рефлексии сопутствуют спонтанные попытки рассуждать не столько об источнике как таковом, сколько об исторических источниках. <...> ... данная перемена единственного числа на множественное обычно указывает на отход от размышлений об источнике как таковом и подступ к источниковедческо-прагматической, эвристической, инструментальной проблематике. <...> Даже в историках¹¹ эпистемологический смысл исторического источника, как правило, принимается как данность» [3: 235–236]. Мы видим, что современный историк, специально изучавший этот вопрос на материале европейской исторической науки, вынужден констатировать смещение акцента с «размышлений об источнике как таковом» на прагматику его использования.

Российская/советская историческая наука (в той части методологии истории, которая связана с развитием анализируемой концепции источниковедения) продолжала идти по неоклассическому пути – дальнейшей рефлексии объекта: в 1950–1970-е годы разрабатываются виды исторических источников [13: 143–156], источниковедение обретает свой объект – систему видов исторических источников, рассматриваемую как проекция соответствующей культуры.

Новый статус источниковедения зафиксирован и в модифицированном (по сравнению с дефиницией А. С. Лаппо-Данилевского) определении исторического источника: «Исторический источник – объективированный результат творческой активности человека/продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека,

общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной перспективе» [18: 205].

Вполне очевидно, что фактором, способствовавшим обособлению источниковедения в самостоятельную дисциплину, была советская идеология, вытеснившая талантливых, но при этом не очень склонных к конформизму историков в область, как казалось, маргинальную. Но база для конституирования источниковедения как самостоятельной дисциплины/субдисциплины исторической науки была заложена в 1890-х годах – в русской версии неокантианства.

Выявив специфику российского/советского источниковедения как автономной субдисциплины со своим объектом исследования – системой видов исторических источников как проекцией культуры, не можем не отметить, что – по крайней мере в этой своей части – советская историческая наука вполне вписывалась в mainstream европейской. Рассматриваемая концепция источниковедения в 1950–1970-е годы отчетливо проявляет черты структурной истории, активно практикуемой в это время, например, в Германии – социальная/структурная история Вернера Конце (1910–1986), структурная направленность свойственна и «Школе “Анналов”» этого периода.

Эта стадия развития неоклассической модели источниковедения соотносима со *словарем интерпретации* в схеме Ф. Анкерсмита. Система видов исторических источников воспринимается не только как автономный объект исторического исследования, но и как особый способ презентации социокультурных образований. На этом этапе расхождение описанного Анкерсмитом «словаря интерпретации» и интерпретации как основной процедуры в структуре источниковедческого исследования наиболее ярко демонстрирует расхождение *неклассической* модели исторической науки с ее нарративной логикой историописания и *неоклассической* концепции источниковедения, нацеленной на получение строгого научного знания. Это расхождение обусловлено в первую очередь различием объекта интерпретации: исторический факт, встраиваемый в нарратив (или нарративная субстанция, если использовать терминологию Ф. Анкерсмита) vs исторический источник, интерпретируемый с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности», но уже с учетом контекста культуры, структурно фиксируемого системой видов исторических источников.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Рискну предположить, что постнеклассическая модель науки не была сколь-либо последовательно реализована в источниковедении, поскольку постнеклассическая наука приходит на смену неклассической, а, как было показано

выше, в неклассический период был утрачен – и без того слабый в классической модели науки – интерес к историческому источнику как объекту.

Хотя в контексте рассматриваемой проблемы стоит обратить внимание на теории исторического дискурса и практики деконструкции текста в европейской исторической науке второй половины XX века, после лингвистического поворота. Конечно, они не рассматриваются в качестве источниковедческих, но, по моему мнению, возможна и необходима не только рецепция европейских методологических идей, активно осуществляемая отечественной исторической наукой начиная с последних десятилетий XX века, но и глубокая интеграция и синтез методологических достижений российской/советской и западной исторической науки, в том числе в области источниковедения и практик анализа текста.

Развитие источниковедения в рамках *неоклассической модели* науки шло и дальше по пути разработки объекта исторического познания: от уточненного понимания исторического источника как *объективированного результата деятельности* человека и одновременно *продукта культуры* – к системе видов исторических источников, структурно репрезентирующей соответствующую культуру, и далее – к понятию «эмпирическая реальность исторического мира», обоснованному в опубликованных в 2008 году работах О. М. Медушевской (1922–2007) не только как эпистемологическое, но и, по сути, онтологическое понятие [10], [11].

Универсальное понятие «эмпирическая реальность исторического мира» наряду с пониманием системы видов исторических источников как структурной репрезентации культуры открыли перспективу источниковедению как научному направлению, то есть особому ракурсу рассмотрения/репрезентации исторической реальности.

Заметим, что аналогичные процессы – движение от субдисциплины исторической науки к научному направлению – переживает примерно в эти же годы или чуть раньше социальная история, о чем свидетельствует дискуссия об объекте и предмете социальной истории в немецкой исторической науке¹².

Перспективы источниковедения как научного направления наиболее ярко проявляются при сопоставлении со *словарем репрезентации* в схеме Ф. Анкерсмита. Модель репрезентации, по мнению Анкерсмита, призвана найти выход из «тутика» исторического нарратива, нащупав проход между двумя логическими моделями – Сциллой «нарративной субстанции» и Харибдой «концепта реальности». Сравнивая репрезентации в искусстве и историописании, Анкерсмит задает риторический вопрос: «...не обречены ли мы на идеалистическую интерпретацию историописания, т. к. среди *всех*

дисциплин, включая даже искусство, объект историописания менее других обладает своей собственной сущностью и возникает только благодаря исторической репрезентации?» [1: 248].

Но источниковедение как научная дисциплина имеет объект, который «обладает своей собственной сущностью» (если воспроизвести формулировку Анкерсмита). Это – *эмпирическая реальность исторического мира* (оставим за рамками рассмотрения феноменологический аспект ее конструирования, равно как и конструирования исторического источника в сознании исследователя), структурированная как система типов и видов исторических источников. О. М. Медушевская, последовательно противопоставляя источниковедческую концепцию истории как строгой науки нарративной логике историописания, подчеркивала: «Новая альтернативная парадигма истории как науки эмпирической, имеющей собственный реальный макрообъект, имеет свои истоки там, где проходит осмысление этого реального макрообъекта» [10: 237–238].

Позиционируя источниковедение как научное направление, мы можем говорить об особом источниковедческом способе исторической репре-

зентации. О. М. Медушевская также указывает на возможность репрезентации истории на основе источниковедческого подхода: «Становится очевидной возможность точного знания: ведь история выступает как наука, имеющая свой реализованный и, следовательно, эмпирически данный продукт; возникает перспектива для логического анализа и последующего “исторического построения” – обоснованной картины изучаемой исторической эпохи» [10: 238].

В заключение необходимо признаться, что выстроенная выше схема трансформации источниковедения/источниковедческой концепции исторического познания существенно упрощена: практически исключена из рассмотрения феноменологическая составляющая концепции, которая проявилась уже на стадии проблематизации А. С. Лаппо-Данилевским исторического источника как объекта исторического познания, не только обладающего имманентными свойствами, но и при этом феноменологически конструируемого историком. Рефлексия этой стороны концепции в перспективе, вероятно, приведет нас к осмыслиению источниковедения не только как научного направления, но и как предметного поля исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В. И. Заявление редакции «Искры» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 4: 1898 – апрель 1901. С. 358.
- ² Пользуюсь принятой в современной исторической науке терминологией, хотя более точно назвать этот таксон в классификационной системе наук субдисципиной, то есть подчиненной/вспомогательной или дополняющей по отношению к исторической науке как таковой областью знания.
- ³ Источниковедение.ru: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др.; Науч.-пед. школа источниковедения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru> (дата обращения 21.02.2017).
- ⁴ Не буду здесь останавливаться на дискурсе «отражения» в силу его явной архаичности по отношению к науке даже ХХ века.
- ⁵ Оставил без подробного комментария деление источниковедения на «прикладное» и «теоретическое». Отмечу только, что искусственный разрыв этих двух составляющих ведет к примитивизации так называемого прикладного источниковедения, превращая «теоретическое» в бесплодное теоретизирование, оторванное от объекта своей методологической рефлексии.
- ⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры: русское издание. М.: Мусагет, 1911. Кн. 1. С. 1–56.
- ⁷ Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1892. 119 с.
- ⁸ Там же. С. 7.
- ⁹ Подробнее см.: [16].
- ¹⁰ Правдами и неправдами (лат.).
- ¹¹ Имеются в виду работы пропедевтического характера об историческом методе. Яркий пример – «Историка» И. Г. Драйзена [4].
- ¹² См., например: [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. В. А. Вайнштока; Под ред. В. В. Биттера. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 72 с.
3. Вжосек В. Культура и историческая истина / Пер. с польск. К. Ю. Ерусалимский. М.: Кругль, 2012. 334 с.
4. Драйзен И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даев, 2004. 583 с.
5. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории: культурно-антропологическая история сегодня. М.: Наука, 1991. С. 48–59.
6. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении социального // THESIS: Альманах. 1993. Зима. С. 163–178.
7. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. с фр. А. Серебряковой; Ред. и вступит. ст. Ю. И. Семенова. Изд. 2-е. М.: ГПИБ России, 2004. 305 с.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1–2.
9. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. 351 с.
10. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
11. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX науч. конф. М.: РГГУ, 2008. [Ч. 1]. С. 24–34.
12. Микешина Л. А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 624 с.

13. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. / Сост. Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; Под ред. В. А. Муравьева. М.: РГГУ, 2001. 227 с.
14. Нора П., Озуп М., Пюимеж Ж. д., Винок М. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. С. 17–50.
15. Риккерт Г. Философия истории // Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129–204.
16. Румянцева М. Ф. Феноменология vs неокантинство в концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2014. Вып. 46. С. 7–16.
17. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
18. Теория и методология исторической науки: Терминол. слов. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
19. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины: [Сб. ст.]. Л.: Наука. Ленинградское изд-ние, 1985. Вып. 16. С. 3–24.
20. Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методические проблемы: [Сб. ст.] / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1969. С. 7–58.

Rumyantseva M. F., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

THE SOURCE STUDY IN THE STRUCTURE OF HISTORICAL KNOWLEDGE: THE NEOCLASSICAL MODEL OF SCIENCE

The transformation of the source study is traced – from a component of the methodology of history in the second half of the XIX – early XX century – into the discipline/subdiscipline of historical science in the 1950–1970s and then, at the turn of the XX–XXI centuries – into the scientific direction in correlation with the change of models in historical science. The specificity of the phenomenological concept of the source study with epistemological foundations in the Russian version of neo-Kantianism is revealed. The Scientific-pedagogical school of the source study belonging to the neo-classical model of science developed since 1930s. The interrelations of transformation stages of the disciplinary status of the source study with the changes in concepts on the object are revealed: from a historical source as an objectified creation of a person to the system of types of historical sources – and to the universal ontological concept of “the empirical reality of the historical world”.

Key words: the source study, historical sources, the system of types of historical sources, empirical reality of historical world, the neo-classical model of science, the subdiscipline, scientific direction, the subject field of historical science

REFERENCES

1. Ankermann F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology. The rise and the fall of the metaphor]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496 p.
2. Berengejm E. *Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [The introduction into Historical Sciences] / Translated from German by V. A. Vaynshtoka, edited by V. V. Bitnera. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 72 p.
3. Vzhoshek V. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [The Culture and the Historical Truth] / Translated from Polish by K. Yu. Erusalimskiy. Moscow, Krug" Publ., 2012. 334 p.
4. Drojzen I. G. *Istorika: lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii* [Historica: Lectures on Encyclopedia and Methodology of History]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 583 p.
5. Dyubizh. The development of historical research in France after 1950 [Razvitiye istoricheskikh issledovaniy vo Frantsii posle 1950 goda]. *Odissey. Chelovek v istorii: kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya*. Moscow, Nauka Publ., 1991. P. 48–59.
6. Zider R. What is social history? Gaps and continuity in mastering the social [Что такое сotsial'naya istoriya? Razryvy i preemstvennost' v osvoenii sotsial'nogo]. *THESIS: Al'manakh*. 1993. Zima. P. 163–178.
7. Langluia Sh.-V., Sen'obos Sh. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction into the Study of History] / Translated from French by A. Serebryakovoy; Edited and introduced by Yu. I. Semenova. Moscow, GPIB Rossii Publ., 2004. 305 p.
8. Lappo-Danilevskij A. S. *Metodologiya istorii* [The methodology of History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. Vol. 1–2.
9. Lubskij A. V. *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative models of the Historical Research]. Moscow, 2005. 351 p.
10. Medushevskaya O. M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [The theory and the Methodology of Cognitive History]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 361 p.
11. Medushevskaya O. M. The Empirical Reality of the World of History [Empiricheskaya real'nost' istoricheskogo mira]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znanija: Materialy XX nauch. konf.* Moscow, RGGU Publ., 2008. [Part 1]. P. 24–34.
12. Mikesheva L. A. *Filosofiya poznaniya: polemicheskie glavy* [Philosophy of Cognition]. Moscow, 2003. 624 p.
13. Nauchno-pedagogicheskaya shkola istochnikovedeniya Istoriko-arkhivnogo instituta: Sb. [The Scientific and Educational School of the Source Studies at Historical and Archive Institute]. Compiled by R. B. Kazakov, M. F. Rumyantseva; Edited by V. A. Murav'eva. Moscow, RGGU Publ., 2001. 227 p.
14. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Between Memory and History: Problems of Memory Places [Mezhdju pamyat'yu i istoriyej: problematika mest pamyati]. *Frantsiya-pamyati*. Translated from French by D. Khapaevoy; Nauch. kons. per. N. Koposov. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 1999. P. 17–50.
15. Rikkert G. Philosophy of History [Filosofiya istorii]. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture*. Moscow, 1998. P. 129–204.
16. Rumyantseva M. F. The phenomenology vs Neokantianism in A. S. Lappo-Danilevsky conception [Fenomenologiya vs neokantianstvo v kontseptsii A. S. Lappo-Danilevskogo]. *Dialog so vremenem*. Moscow, IVI Publ., 2014. Issue 46. P. 7–16.
17. Styopin V. S. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: structure, historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p.
18. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: Terminol. slovar' [The Theory and Methodology of Historical Science: Terminological dictionary]. Executive Editor A. O. Chubar'yan, L. P. Repina; RAS. Institute of General History. Moscow, 2016. 543 p.
19. Schmidt S. O. About Classification of Historical Sources [O klassifikatsii istoricheskikh istochnikov]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1985. Issue 16. P. 3–23.
20. Schmidt S. O. Contemporary problems of Source Studies [Sovremenennye problemy istochnikovedeniya]. *Istochnikovedenie: teoreticheskie i metodicheskie problemy*. Executive editor S. O. Schmidt. Moscow, Nauka Publ., 1969. P. 7–58.

Поступила в редакцию 27.02.2017